

Научная статья
УДК 94(510.1)
doi: 10.17223/19988613/98/11

Национальная автономия Хинган (Синьань) как публично-властный институт контроля японцами монгольских территорий Маньчжоу-Го. Часть 1: Восточная и Южная области / губернаторства

Павел Николаевич Дудин

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук,
Улан-Удэ, Россия, dudin2pavel@gmail.com*

Аннотация. Исследуется процесс реализации японцами национальной политики на континенте посредством создания в 1932 г. самой крупной в составе Маньчжоу-Го провинции под названием Хинган / Синьань. На колонизированных китайцами землях образуются Восточная, Южная и Северная области, ставшие в 1934 г. губернаторствами. Подтверждением автономного статуса служили сохранение старинных устоев и возможность самостоятельного внутреннего управления. В результате на первоначальном этапе осуществления военного вторжения на континент японцы смогли без военной силы заручиться поддержкой среди монгольских элит. Это первая часть статьи.

Ключевые слова: Хинган (Синьань), Маньчжоу-Го, Барга, Маньчжурия, институты публичной власти

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-68-00054 «Маньчжуро-монгольский мир Внутренней Азии в первой половине XX в.», <https://rscf.ru/project/22-68-00054/>

Для цитирования: Дудин П.Н. Национальная автономия Хинган (Синьань) как публично-властный институт контроля японцами монгольских территорий Маньчжоу-Го. Часть 1: Восточная и Южная области / губернаторства // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 98. С. 94–102. doi: 10.17223/19988613/98/11

Original article

National Autonomy of Khingan (Xingan) as a public-power institution of control by the Japanese of the Mongolian territories of Manchukuo. Part 1: Eastern and Southern regions / governorships

Pavel N. Dudin

*Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ulan-Ude, Russian Federation, dudin2pavel@gmail.com*

Abstract. The purpose of the study is to assess the degree of effectiveness of the national policy of the Japanese in the Mongolian lands they occupied, which became part of the state of Manchukuo formed by them in 1931, and to determine the place of the Khingan (Xingan) national autonomy in it. The source base was made up of periodicals and non-periodicals in Russian, published on the basis of Orientalist societies and the CER by our compatriots living in Manchuria, foreign media, periodicals and reference publications. The content of the study is based on the fact that the ethnic composition of the population of Manchuria, as well as the entire Outer China, was not monolithic, and therefore the national question in the region played a paramount role for any act. Using anti-Chinese sentiment, the Japanese, by granting the Mongols a high degree of autonomy, enlist their support and loyalty, which is necessary both for securing control over the territories under their control, and for moving further deep into the continent, and for ensuring the security of their sphere of influence from the USSR. Having retained the traditional Mongolian institutions of governance, a new administrative-territorial unit is being formed - the largest in the new empire, with complex intrastate administration, called Khingan or Xingan. The core of the new province was the territories of the western limits of Inner Mongolia actively colonized by the Chinese, on which the Eastern, Southern and Northern regions were formed. Unlike other provinces, there is no position of governor here: each of the territories is governed by its own administration, the coordination of which is provided by the Directorate / Main Directorate / Ministry of Mongolian Affairs, headed by an ethnic Mongol - the prince of a large Western Mongolian khoshun. The autonomy status was confirmed by the preservation of ancient foundations and the possibility of independent internal control, the right to have its own armed forces, carry out educational and religious policies, exemption from a significant part of taxes and fees, and other privileges. Each region, transformed into a governorship in 1934, was headed by an ethnic Mongol - a representative of the ancient tribal aristocracy and the number of descendants of Genghis Khan or his brothers. Regions/governorships were divided into

khoshuns, whose borders remained unchanged. The author comes to the conclusion that at the initial stage of the military invasion of the continent, the Japanese side managed to achieve its goals and, without military force, gain support among the Mongolian population.

Keywords: Khingan (Xingan), Manchukuo, Barga, Manchuria, public authorities

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-68-00054 "The Manchurian-Mongolian world of Inner Asia in the first half of the 20th century", <https://rscf.ru/project/22-68-00054/>

For citation: Dudin, P.N. (2025) National Autonomy of Khingan (Xingan) as a public-power institution of control by the Japanese of the Mongolian territories of Manchukuo. Part 1: Eastern and Southern regions / governorships. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 98. pp. 94–102. doi: 10.17223/19988613/98/11

Для Японии так называемый «монгольский вопрос» играл очень важную роль и в целом вписывался в интересный и противоречивый тренд: в Корее императорская власть была ликвидирована, равно как и независимость, а в Маньчжурии – и то и другое восстановлено, причем с пусть и незначительным, но присутствием национальных кадров в системе управления новым государством [1. С. 41]. Поэтому Хинган как показательное национальное административно-территориальное образование представлял собой не только самую крупную провинцию, но и единственную, которой было разрешено иметь, помимо прочего, свои воинские соединения. Безусловно, сделано это было, исходя из стратегических соображений. О. Латтимор справедливо полагал, что, когда Япония взяла на себя ответственность за защиту Маньчжоу-Го и монгольского мира, она сделала это с полным пониманием тех проблем, с которыми ей придется столкнуться на международной арене. Во время своего визита в Маньчжоу-Го ученый в этом убедился воочию и подтвердил, что руководство империи не могло не учитывать потенциальных проблем или проявить непонимание ситуации при искажении информации, как это зачастую преподавалось западными экспертами [2. Р. 8]. Командование Квантунской армии тем не менее пошло на создание своего рода «Хинганского проекта», который, как и Маньчжоу-Го, должен был послужить примером рационального выстраивания японской национальной политики на дружественных территориях, а заодно и сыграть роль буфера, как политического, так и военного.

Таким образом, целью настоящей статьи является попытка дать оценку степени эффективности национальной политики японцев на занятых ими монгольских землях, вошедших в 1931 г. в состав образованного ими государства Маньчжоу-Го, и определение места в ней национальной автономии Хинган (Синьань) в качестве модели для занимаемых ими в дальнейшем национальных регионов Китая и Восточной Азии.

В своем анализе этой политики мы будем исходить из того, что Хинган был сложной и многоуровневой административно-территориальной конструкцией, в связи с чем, учитывая неоднородность его территорий, для достижения указанной цели важно правильно определить и решить задачи. Поэтому изначально, в рамках первой части, мы осветим общий внутривластный фон региона, который использовался японской стороной для укрепления своих позиций на континенте, а также покажем структуру «ядра» провинции – ее Восточной и Южной областей. Барга, ставшая Север-

ной областью, в силу не только исторического, но и этнического, административно-территориального и культурного своеобразия, а также действий ее политической элиты и последствий этих действий потребовала отдельного научного внимания во второй части нашей работы, равно как и появившаяся на последнем этапе государственностроительства, вслед за присоединением к Маньчжоу-Го провинции Жэхэ, Западная область с ее разнообразием монгольских племен, создавших собственные племенные хошуны.

Поскольку японским войскам удалось вытеснить китайские войска из провинции Хэбэй, японская пресса быстро сформировала пропаганду в отношении остальных национальных окраин Китая. Население китайских территорий к северу от Хуанхэ, по мнению японской стороны, значительно отличалось в обычаях и манерах от своих соотечественников, живущих к югу, и всегда стремилось избавиться от оков правительства Нанкина и влиться в сообщество под эгидой Японии и на основе японских принципов. В формировании нового режима в Северном Китае в полной мере использовался лозунг «Благо Северного Китая – народам Северного Китая!» Лидеров нового режима японская сторона стала искать, во-первых, в среде местных политических элит, а во-вторых, среди тех, у кого не было отношений с центральными властями.

Япония настаивала на том, что вся территория должна была быть демилитаризованной, а Китай должен предоставить средства, необходимые для выполнения этих самых альтруистических и впечатляющих гуманитарных планов. Ответ Министерства иностранных дел в Токио на резолюцию Лиги Наций, осуждающую агрессию Японии, гласил, что нынешняя военная операция является лишь искоренением антияпонской политики на Севере Китая, а сама Япония стремится к достижению вечного мира на Дальнем Востоке благодаря подлинному и гармоничному сотрудничеству между двумя соседними странами и не имеет территориальных претензий к Китаю [3. Р. 10]. Позднее отсутствие территориальных претензий стало доминирующим в риторике кабинета Ф. Коноэ.

Шаги японцев в регионе были осторожными, а правящие лица, даже в числе военных, учли все промахи предыдущих властителей края. И хотя традиционно китайская политика воспринималась по всему миру как расчетливая и просвещенная, на практике она вылилась в недалекновидную эксплуатацию региона, что было на руку сменившим их здесь японцам. Ситуация усугублялась тем, что, даже находясь под властью им-

перии Цин, монголы никогда не были под властью собственно Китая. Маньчжуры относились к ним с уважением, как союзники, и это уважение ослабло лишь тогда, когда методы, используемые в маньчжурской дипломатии, сумели изменить ситуацию и предотвратили угрозу нападения монголов. Действуя по принципу «разделяй и властвуй», маньчжурам удалось расколоть монголов на враждующие группировки, а их соперничество, как внутреннее, так и внешнее, использовать так искусно, что почти все надежды на объединение монголов исчезли. В конце XIX в. китайские власти приступили к активной колонизации региона, от которого в большей степени пострадали монголы Маньчжурии, поскольку ситуация усугублялась еще и строительством железных дорог на их родовых землях.

Монгольские земли Южного Чахара, простирающиеся на запад, в описываемый нами период были колонизированы китайцами на 70%, а земли новой провинции Суйюань – почти полностью. Фактически единственным местом, которое в той или иной мере избежало китайского засилья, по словам О. Латтимора, оказался Шилин-Гол, включающий 5 хошунов. Поэтому неудивительно, что именно он стал главной базой автономистов, источником идей сопротивления китайской экспансии, как ранее был местом, где могли укрыться и простые жители региона, и те, кто был вынужден оставить привычный образ жизни и вступить в ряды бандитов.

Япония была готова использовать ситуацию и направить любые средства на объединение монголов и приостановление потенциального потока мигрантов с юга, а автономная провинция могла бы решить эту задачу. Законы Маньчжоу-Го запрещали китайскую миграцию на ее территорию [4. Р. 10]. По этой причине монголы здесь готовы были принять любые условия, которые бы избавили их от китайской угрозы, что и обеспечили японцы. Японцам же нужны были контроль над монгольской территорией [5. С. 73] и сторонники из числа местных элит.

Самопровозглашенной задачей Японии было объявлено построение земного рая для 30 млн жителей Маньчжоу-Го и для обеспечения благоприятных условий для монголов как крупнейшего национального меньшинства в государстве. Вместе с тем многие представители политической элиты высказывали опасения относительно того, что они являются лишь инструментом в достижении Японией своих более глобальных целей [6]. Чтобы разрешить национальный вопрос и переманить монгольское население на свою сторону, японцы из национальных окраин и формируют провинцию Хинган (Синьань, Синь-Ань) – крупнейшую в Маньчжоу-Го. Для управления делами монгольского населения сначала было создано Бюро, а затем Министерство по монгольским делам. Был поставлен интересный эксперимент с целью создать модель работы с национальными регионами, тем более что таковые размещались по окраинам нового государства и находились в пределах досягаемости. Именно поэтому Хингану придавалось такое значение. Наиболее авторитетные средства массовой информации утверждали, что это пятая провинция, «аннексированная Японией,

которой будет предоставлена значительная автономия с ее монгольскими князьями и другими высокопоставленными лицами, сохраняющими свои позиции под контролем Маньчжоу-Го, завоевание которой было проведено без кровопролития» [7. Р. 11]. На самом деле Хинганская провинция стала четвертой, поскольку уже в марте 1932 г. были определены ее границы, выстроены основные государственные институты и назначены должностные лица, тогда как Жэхэ присоединили лишь год спустя.

Стратегическое значение этого региона объяснялось его ролью буферной зоны между бывшей императорской, а ныне Советской Россией и остальной частью Маньчжурии. Поэтому одно из первых японских действий при получении поддержки монгольского населения – предоставление монголам на занятых маньчжурских территориях высокой степени автономии [8. Р. 10] вкуче с отдельными военными полномочиями.

Японцы были заинтересованы в лояльности местного населения: административные, судебные и финансовые вопросы сохранили монгольские традиционные формы. Единственное изменение положения должностных лиц выразилось в увеличении их зарплат и обеспечении свободы от китайского вмешательства. Японцы, заняв эту местность, делали все, от них зависящее, чтобы сохранить дружеские отношения с местным населением. Поэтому регион не был включен в состав провинции Хэйлунцзян. Бразды правления с центром в Хайларе находились в руках монгольской аристократии, которой было оставлено право выбора должностных лиц, сбора налогов и другие льготы. Начали возрождаться монгольские военные соединения, стали доступны здравоохранение и образование. Японцы, в свою очередь, направили в Монголию большую группу ученых и армейских офицеров, а также организовали военную школу в Хайларе с целью подготовки монгольских офицеров [9. Р. 13]. Тем временем большая сила японских и маньчжурских войск была сконцентрирована в этом городе [10. Р. 11], поскольку сохранялась напряженность в отношениях с советской стороной, и Хинган и здесь мог сыграть свою роль.

Граница провинции очертила те территории, которые не успели подвергнуться существенной китайской колонизации прошлых лет. Как отмечал А.В. Кормазов, «такие же хошуны, как Ольт Маннай Хошу, Дурбет, С. и Ю. Горлосы, где 90% и более численности населения составляют китайцы-земледельцы, остались вне этого объединения» [11. С. 31].

Вот как процесс создания этой национальной провинции описывает юбилейное издание «Великая Маньчжурская Империя: к десятилетнему юбилею» в небольшой заметке под названием «Главное Управление по делам Монголии»: «Администрирование Монголии осуществляется с учетом национальных особенностей монгольского народа.

После образования Маньчжоу-Го правительство создало из прежних отдельных монгольских уездов три вице-губернаторства, составивших одну Хинганскую провинцию.

В марте 1-го года Да-Тун (1932) было создано Управление по делам Монголии с подчинением его

Премьер-Министру. В августе того же года Управление по делам Монголии было переименовано в Центральное Управление по делам Монголии.

В мае 2-го года Да-Тун (1933), после установления порядка в Жэхэ, северная часть этой провинции была отделена от Жэхэ и причислена к Монголии.

В декабре 1-го года Кан-Дэ (1934) Центральное Управление по делам Монголии было реорганизовано в Министерство по делам Монголии, а ее территория была разделена на 4 вице-губернаторства: Восточное, Северное, Южное и Западное.

В январе 3-го года Кан-Дэ (1936) в связи с упразднением Особого Района Восточных провинций города Маньчжурия и Хайлар вошли в подчинение Министерству по делам Монголии.

С января 4-го года Кан-Дэ (1937 г.) старые уезды провинции Жэхэ с монгольским населением были реформированы в специальные монгольские уезды с подчинением их Министерству по делам Монголии.

Таким образом, министерство по делам Монголии выполняло функции высшего административного учреждения по делам Монголии. Спустя пять лет по основании государства встал вопрос о необходимости усиления централизации административного аппарата. В связи с этим в июле 4-го года Кан-Дэ (1937) Министерство по делам Монголии было упразднено, вместо него было образовано Управление по делам Монголии с непосредственным подчинением Премьер-Министру, являющееся органом совещательным и связи. Административное же управление передано в соответствующие министерства.

Управление по делам Монголии своей главной задачей ставит поднятие жизненного стандарта монгольского народа, так как он в сравнении с другими народами, населяющими Маньчжу-Ди-Го, стоит на более низком культурном уровне. В связи с этим Управлением по делам Монголии производится работа: воспитательная, санитарная, экономическая и религиозная» [12. С. 78–79]. Безусловно, на практике все было сложнее и менее оптимистично.

9 марта 1932 г. было принято Положение об устройстве трех областей провинции Хинган, в результате создается новая провинция в составе Восточной, Южной и Северной областей [13]. В отличие от других провинций, эта не имела своего губернатора, а управлялась непосредственно из столицы созданным специально для этого Управлением по делам Монголии во главе с начальником (9 марта – 3 августа 1932 г.) и Главным управлением во главе с главным начальником (3 августа 1932 г. – 1 марта 1934 г.) при Государственном Юане, напомиавшем по своему характеру и политической судьбе Комиссию по делам Монголии и Тибета в Китайской Республике.

Во главе административного аппарата был поставлен последний князь Южного Горлоса Цзаймутэз Мубилай [14. С. 104; 15. С. 278]. Сразу же после инцидента 18 сентября 1931 г. князь предпринял попытку консолидировать монгольские элиты в так называемую «Монгольскую ассоциацию по установлению автономии», а в декабре 1931 г. был в числе организаторов так называемого «Чжэнцзятуньского Съезда

князей Восточной Монголии», изъявивших лояльность формируемому режиму. Этот шаг расположил к нему японскую сторону, что обеспечило ему участие в феврале 1932 г. в работе Северо-Восточного Политического совета, объявившего о создании Маньчжоу-Го. После того как Цзаймутэз Мубилай возглавил новую провинцию Хинган, он в сопровождении губернатора Восточной области Элэчуна и губернатора Северной области Лин Шэна посетил Японию. 5 апреля 1932 г. были созданы областные органы власти [16], 27 июня были определены их полномочия и подконтрольные хошуны [17], 1 августа утверждены начальники хошун [18].

В марте 1934 г., после провозглашения империи, Главное управление по делам Монголии было преобразовано в министерство (окончательно оно было оформлено Высочайшим указом в декабре этого же года). Цзаймутэз Мубилай стал министром и вошел в состав маньчжурского правительства, пребывая в этой должности до 7 мая 1937 г., после чего был назначен членом Государственного совета, но в марте 1941 г. он подал в отставку с государственной службы и стал вице-президентом Маньчжурской телекоммуникационной корпорации. В 1942 г. покинул и этот пост, уехал в свой родной хошун и скончался от болезни на родине 1 августа 1942 г. Поскольку князь не имел наследников мужского пола, а его единственный сын умер в возрасте 9 лет, на нем род южно-горлосских князей пресекся.

В цитируемом нами издании «Маньчжурия: экономическо-географическое описание» дается общий обзор административной системы Хингана по состоянию на переходный 1934 г., в связи с чем его уместно привести полностью: «Сравнивая структуру монгольского вице-губернаторства с провинцией, мы видим между ними большое сходство. Различие заключается в большей упрощенности организации (имеется, например, лишь 2 департамента) и в подчиненности вице-губернатора не премьеру, как это имеет место с губернатором провинции, а начальнику главного управления по монгольским делам, через которого и идут сношения вице-губернатора с высшим правительством. Мы уже имели случай сказать выше, что по отношению к Монголии проводится политика возрождения прежней знаменитой организации. Отсюда необходимо помнить о сеймовом “дарге”, или председателе, хошунном князе или чжасаке, его помощниках – тусалакчи, захиракчи, мейрене и цалане, в Чжеримском и Чжоудасском сейме – дамала и цроч. Во главе каждого сомона стоит цзангин; пятью сомонами начальствует цалан, полковой командир. В свою очередь, цзангинам подчиняются хабаны (по 2), а каждому хабану – по 4 божка. Такова общая схема монгольской администрации. В некоторых районах наблюдаются, впрочем, и отклонения, так как единства и однообразия в общественной жизни этого кочевого народа, естественно, нет» [19. С. 338].

Официально созданное 1 декабря 1934 г. Министерство по делам Монголии [20] возглавлялось министром, который имел в качестве «непосредственного помощника» товарища министра. Полномочия министра оказались весьма существенными: «право изда-

вать законы, касающиеся провинции; накладывать veto на распоряжения губернаторов, если эти распоряжения расходятся с основными законами» [11. С. 31] и т.д.

Министерство состояло из канцелярии, курирующей кадровые вопросы, финансы и хозяйственные дела, а также обеспечивающей коммуникации и хранение печати; административного отдела, курирующего вопросы народного просвещения, религии, ведающего административными делами, полицией и внутренней безопасностью; и отдела поощрения торговли и промышленности, курирующего в основном вопросы добычи и обработки природных богатств.

До провозглашения империи провинция делилась на области во главе с начальниками, а области – на хошун (знамена), которые также возглавляли начальники [21. С. 122–128]. Хошун (знамя) возглавлял начальник, которому подчинялись прочие административные структуры. В Управлении знамени утверждалось три отдела: общих дел, внутренних дел и полиции.

Области, находящиеся в составе провинции, с реформой 1934 г. были преобразованы в губернаторства (иногда назывались вице-губернаторствами) во главе с губернаторами (иногда назывались вице-губернаторами), при которых состояли советники и создавались управления (администрации). Советская научная литература утверждала, что это было сделано из соображений обеспечения подконтрольности монгольских территорий, чтобы воспрепятствовать их консолидации и «образованию единого антияпонского фронта монголов» [22. С. 126]. Губернатор налагал veto на постановления монгольского сейма, в случае если последний превышал свои полномочия, издавал приказы, обязательные к исполнению в пределах своего губернаторства, командовал вооруженными силами внутренней безопасности при обстоятельствах, не теряющих отлагательства, имел право представления Главному управлению к назначению и освобождению от должности чинов 2-го класса и выше, осуществлял наблюдение за деятельностью сеймов, князей и иных должностных лиц и принимал необходимые меры по обеспечению их деятельности соответствию закону [19. С. 337], решал кадровые и дисциплинарные вопросы в отношении служащих, имеющих должности ниже 2-го класса. В каждом Управлении губернаторства учреждалось два департамента: общих дел с полномочиями в области кадров, финансов, «исследовательской работы, секретной переписки и т.д.», а также хранении казенных печатей губернаторства; административных (или гражданских) дел с полномочиями в области управления территориями, путями сообщения, медико-санитарных вопросов, промышленности, торговли, просвещения и внутренней безопасности [11. С. 32]. Во главе департаментов находились начальники, а в качестве сотрудников – инспекторы.

Экономическую основу существования провинции подкрепила нефтяная монополия государства [23. Р. 8], часть доходов от которой поступала в бюджет Хингана. При этом, по оценкам международных экспертов, экономическая основа контролируемых японцами коллаборационистских режимов Северного Китая могла достигать в объеме финансовых ресурсов более 100 млн китайских долларов.

Для более четкого понимания ситуации в отношении управления новой провинцией следует рассмотреть порядок образования первых двух и четырех входивших в ее состав территорий, поскольку именно они наглядно иллюстрируют и сам процесс создания национальной территории в границах Маньчжоу-Го, и его восприятие местным населением.

Первой среди областей 6 марта 1932 г. была создана Восточная область (с 1 декабря 1934 г. – губернаторство) с населением 97 300 человек [11. Р. 55], губернатором которой 29 марта был назначен даур по происхождению из Чжаланьтуни (ныне городской уезд городского округа Хулун-Буир) Элэчун (1879–?) [13]. С февраля 1901 г. он работал секретарем военного управления одного из уездов, с октября 1925 г. был советником Военного управления провинции Хэйлуцзян, а после японской оккупации перешел на службу в Маньчжоу-Го [24. С. 736]. Столицу области 1 мая 1932 г. предполагалось разместить в поселке Буси (ныне – Ньерцижэн, Морин-Дава-Даурский автономный хошун Хулун-Буира), но из-за военной обстановки и неподготовленности временной столицей был определен сначала Цицикар – крупнейший политический и торговый центр региона [25], а 12 января 1933 г. – поселок Чжаланьтунь, куда 23 января переехала администрация.

В декабре 1932 г. к территории области были присоединены уезды Ялу (переименованный в Бутха-Ци) и Солон (ныне одноименные уезды городского уезда Чжаланьтунь) и хошун Морин-Дава-Ци (ныне Морин-Дава-Даурский автономный хошун). В результате площадь области составила 106 728 кв. км, а общая численность населения возросла до 136 225 человек, среди которых маньчжуры составляли 109 353 человека (80,2%), монголы – 20 712 (15,2%), подданные Японии (не включая корейцев) – 2 377 (1,75%), корейцы – 1 304 (0,96%). 10 мая 1933 г. состав земель области был пересмотрен и включал хошун (1) Бутха-Ци (ныне Чжаланьтунь), или Бутэха, в составе левого и правого крыла и с размещением на его территории административного центра области (губернаторства) с населением 3 тыс. человек, (2) Арун-Ци, или Ажунь, (3) Морин-Дава-Ци, или Моли, (4) Баянь (ныне поселок Морин-Дава-Даурского автономного хошуна), (5) Сиджагар-Ци (ныне хошун Хорчин-Юйцяньци аймака Хинган), или Сичжа, полученный от Южной области и переданный в 1941 г. Западной области, (6) Навэнь, занимавший северо-восточный угол в пределах на западе – восточного склона Большого Хингана, на севере – южного склона Ильхури Алиня, на востоке – правого берега р. Нонни до устья р. Ганьхэ и далее от истока до устья вдоль левого берега р. Ганьхэ [11. С. 52].

Согласно знаменному делению дауры были поделены желтое с красной каймой, желтое и белое знамена, а солонь – на красное, белое с красной каймой, красное с белой каймой, синее и синее знамя с красной каймой знамена и были освобождены от обязательной военной службы, тогда как военная охрана была возложена на харачинов.

В 1941 г. на посту губернатора Элэчуна сменил уроженец Чжеримского сейма Боян Манду (1894–1980),

выдающаяся фигура в политической жизни Внутренней Монголии XX в. Хорошо образованный, работавший редактором монгольской газеты в Мукдене, в 1925 г. он участвовал в учредительном собрании Народно-революционной партии Внутренней Монголии в Чжанцзякоу, занимал пост заместителя Бюро Центрального комитета партии и возглавлял партийное отделение в Чжеримском сейме. В 1929 г. Боян Манду участвовал в создании Ассоциации взаимопомощи Монголии и занимал должность ее вице-президента. В 1930 г. принимал участие в очередном монгольском съезде, созванном национальным правительством в Нанкине. С началом японского вторжения Боян Манду занял должность начальника Департамента по гражданским вопросам Южной области Хингана. В 1941–1943 гг. был губернатором Северного губернаторства, одновременно с апреля 1942 г. возглавляя и Южное губернаторство. В октябре 1943 г., после административной реформы, занял пост губернатора единой хинганской провинции и находился в этой должности до августа 1945 г., продолжив политическую деятельность: 18 августа 1945 г., после восстановления Народно-революционной партии Внутренней Монголии, Боян Манду был избран ее председателем [26]; после создания 3 апреля 1946 г. Народного правительства Монгольской Федерации [27. С. 200] он избирается заместителем Уланьфу в качестве председателя Исполнительного и Постоянного комитетов [28]; а после образования Автономного района Внутренняя Монголия становится председателем его Народно-Политического совета.

При губернаторе создавалось Управление области / губернаторства, которое состояло из следующих подразделений: Администрация; Департамент по общим вопросам, включающий отделы по общим вопросам, местных вопросов, и финансовый отдел; Департамент гражданских дел, включающий отделы развития, улучшения благосостояния, здравоохранения, развития промышленности, гражданского строительства; Департамент правоохранительной деятельности, включающий отделы полиции, секретной службы, инспекторских проверок, учета граждан.

1 октября 1943 г., с объединением областей в единую провинцию Хинган, Восточное губернаторство было преобразовано в региональную администрацию Восточной области провинциального управления Хингана в составе четырех хошунов: Бутха-Ци, Арун-Ци, Морин-Дава-Ци и Баянь.

Южная область (с 1 декабря 1934 г. – губернаторство) с населением 1 959 409 человек [11. С. 67] была создана 9 марта 1932 г. с расположением администрации в одном из поселков хошуна Дункэ-Чжунци (ныне хошун Хорчин-Цзоичжунци городского округа Тунляо), а с 1 июня того же года – в Шуанляо (ныне городской уезд городского округа Сыпин провинции Цзилинь (Гири)). Особенностью этой территории было то, что она создавалась в примерных границах Чжеримского сейма, которые были в значительной степени колонизированы в период заката империи Цин и ранней республики.

В состав области / губернаторства, во-первых, входили аймак-хошун Чжалайт и Хорчинский аймак в со-

ставе 6 хошунов, пределы которого можно соотнести с современным административно-территориальным делением региона: (1) Хорчинский левого крыла передний хошун и (2) Хорчинский левого крыла тыльный хошун (хошун Дункэ-Хоуци, ныне – единый хошун Хорчин-Цзоихоуци городского округа Тунляо), (3) Хорчинский левого крыла средний хошун (ныне хошун Хорчин-Цзоичжунци), (4) Хорчинский правого крыла передний хошун (хошун Сиджагар-Ци, ныне хошун Хорчин-Юицяньци аймака Хинган), переданный позднее Восточной области, (5) Хорчинский правого крыла средний хошун (ныне хошун Хорчин-Юичжунци аймака Хинган) и (6) Хорчинский правого крыла тыльный хошун (на границе нынешних хошунов Хорчин-Юицяньци и Чжалайт-Ци аймака Хинган). Во-вторых, в состав области / губернаторства входил (7) аймак-хошун Чжалайт-Ци (ныне – хошун в составе аймака Хинган). В-третьих, 1 декабря 1934 г. в состав Южного губернаторства из состава Жэхэ были переданы (8) хошун Хурэ-Ци (ныне одноименный хошун городского округа Тунляо) и (9) уезд Тунляо (ныне район городского подчинения Хорчин городского округа Тунляо).

Старинная же территориальная организация, сохраненная в структуре Маньчжоу-Го, выглядела следующим образом. Хорчинскими хошунами левого крыла были Бинту-вана, Дархан-вана и Бо-вана, хошунами правого крыла – Чжасокту-вана, Тушету-вана и Тушету-гуна. Население хошуна Бинту-вана составляло 115 333 человек, хошуна Дархан-вана – 918 694, хошуна Бо-вана – 548 000 человек. Особенность последнего заключалась в том, что еще в 1906 г. в хошуне было организовано несколько школ, где преподавателями были японцы, и это стало следствием пристального внимания к нему со стороны японских исследовательских экспедиций [11. С. 56–57]. В отличие от прежней территориальной организации, новые хошуны не полностью воспроизводили состав своих земель: где-то наблюдалось увеличение, где-то уменьшение. Так, из хошуна Бинту-вана была выделена часть уезда Канпина, по линии к востоку от м. Санькошу (деревни Харачин, Наньдатунь и Ванелин) и уезда Факу к югу по линии от Наньдугуна и Шицзяцзы). Из хошуна Дархан-Вана были исключены уезды Лишу, Хуайдэ, Шуаншань, Ляююань, Факу, Канпин, Чанту и Тунляо, а также часть наиболее заселенных районов из числа прилегающих к железнодорожной линии на участке Дахушань–Тунляо, оставшихся в составе бывшей провинции Фэнтянь. Из хошуна Бо-вана были выведены населенные китайцами уезды Чанту и Ляююань, а также район, расположенный к югу по линии Зодаохэцзы (уезда Канпин), Ляюявопу, Гэцзялу и деревни Харачин [11. С. 57–59].

Население хошуна Чжасокту-вана составляло 147 715 человек, и его история была интересна многими событиями, произошедшими за последние 30 лет. Во-первых, в период колонизации весь район княжества был объявлен колонизационным районом, и здесь под началом генерала Чжо Цзоуха были организованы военные поселения, из-за чего значительная часть монгольского населения с боями была вынуждена отсту-

пить к западу или перекочевать в Уцзумучинский аймак Шилин-Гольского сейма [11. С. 59–60]. Во-вторых, эти земли были богаты природными ресурсами, в результате при Чжан Цзолине возникла идея о проведении железнодорожной линии на Солунь и далее через Баргу, что позволило бы ускорить освоение этих территорий. Данный факт вызвал живейший интерес со стороны Японии, предлагавшей сомкнуть их с ЮМЖД. Проект железнодорожной линии, пролегающей параллельно западному участку КВЖД, включал три направления: 1) Чанчунь–Таоанань; 2) Тао-нань–Солунь; 3) Солунь–Маньчжурия (Солунь–Хайлар, Солунь–Ганьчжур). С их помощью предполагалось обеспечить выход на ЮМЖД монгольскому животному сырью и богатствам Барги (уголь, лес, сода и т.д.) [29. С. 231], чего китайским властям нельзя было допустить. К октябрю 1930 г. Солуньская железная дорога протяженностью 60 км была доведена до монастыря Гэгэнмяо [11. С. 61–62]. К моменту провозглашения империи была выстроена западная ветка Хулудаской магистрали и завершалось строительство Таосоской железной дороги (линия Таоань–Солунь), протянуть которую в дальнейшем предполагалось в Баргу к Ганьчжур или Хайлару.

Из состава хошуна Чжасокту-вана, как и состава других хошунов, были выведены уезды Кайтун, Тао-нань и Таоань, а также «район, расположенный к югу от линии, начинающейся от м. Люху Тунюаньского уезда и проходящий по горам Аонюшань, Андайшань и кончающийся в м. Мынцинъхада» [11. С. 65].

Население хошуна Тушету-вана составляла 63 200 человек. Его особенностью было большое количество (16) буддийских монастырей, где ежегодно совершались службы всех хошунов Чжеримского сейма. В.А. Кормазов пишет: «Из территории хошуна, по декрету правительства Маньчжоу-Го от 10 мая 1933 г., выделены целиком уезд Чжанюй (без школьных земель) и уезд Туцюань» [11. С. 59].

Население хошуна Тушету-гуна составляло 72 029 человек, в нем также имелось 7 буддийских монастырей, а из его состава были выведены уезды Аньгуан и Чжэньдун [11. С. 65].

Из княжества Чжалайт в границах одноименного аймака при его включении в состав области / губернаторства был исключен уезд Далай, а также, «как отмечает «Правительственный вестник Маньчжоу-Го» № 130 от 10 мая 1933 г. [30], районы, расположенные к востоку от линии, начинающейся у горы Шабазэртайшань в уезде Тайлай, проходящей горы Иншань и Даюйшу и кончающейся у «обо» около кумирни Ламамяо; затем к югу от линии, начинающейся у «обо» около кумирни Ламамяо в уезде Цзинсин и кончающейся у «обо» около кумирни Байцимяо (Балацзиэрмяо), и, наконец, район, расположенный к северо-востоку от линии, начинающейся у означенного выше «обо», проходящей прямо на северо-восток до реки Ханьдаханьхэ, а затем идущей вверх по течению ее притока Хуванэркухэ (Уэргэньхэ) и кончающейся у истока этого притока» [11. С. 65]. Население княжества составляло 95 044 человека, оно существенно изменилось из-за пришлых монголов из сейма Чжосоту в результате его колонизации.

1 сентября 1935 г. администрация губернаторства была переведена в поселок Ваньмяо (в пер. «Княжеский храм»), позже переименованный в Синань (ныне городской уезд Улан-Хото аймака Хинган), с именем которого связаны бурные события в истории послевоенной Внутренней Монголии.

1 октября 1943 г. с объединением областей в единую провинцию Хинган Южное губернаторство было преобразовано в региональную администрацию Южной области провинциального управления Хингана в составе 5 хошунов: Хорчинский левого крыла передний хошун, Хорчинский левого крыла центральный хошун, Хорчинский левого крыла хошун, Хурэ-Ци и Найман-Ци (ныне одноименный хошун городского округа Тунляо). Также в состав вошло 2 уезда: Тунляо и Кайлу, переданный из ведения Западного губернаторства (ныне одноименный уезд городского округа Тунляо).

Первым губернатором стал последний князь Хорчинского правой руки центрального хошуна (Тушету-вана) Еши Хайшун (?–1944), в 1890 г. ставший регентом, а после убийства отца в 1901 г. принявший хошун. Принимавший участие в событиях, связанных с именем князя Удая, Еши Хайшун все же перешел в итоге на сторону центрального правительства и с 1920 г. находился в тесном контакте с Чжан Цзолинем. С созданием Маньчжоу-Го и образованием Хингана в марте 1932 г. он был назначен губернатором Южной области. Из-за инцидента с перестрелкой в январе 1933 г. князь был фактически отстранен от управления областью, но не лишен должности, сохранив ее и в декабре 1934 г., после преобразования области в губернаторство, и покинув этот пост лишь в июле 1936 г.

Следующим губернатором стал Шоу Минъя (1885–1947), служивший в 1912 г. помощником южно-горлосского тусалакчи, в 1916 г. назначенный советником при национальном правительстве Китайской Республики, а с 1922 г. по 1924 г. состоявший членом китайского парламента. Одновременно с этим он выполнял обязанности советника командира Отдела безопасности Трех Восточных провинций. В 1923 г. был назначен советником президента Китая и Фэнтяньского правительства, а с 1924 г. пребывал в различных должностях органов власти, отвечающих за национальную политику. С занятием японцами Маньчжурии и созданием провинции Хинган был назначен руководителем администрации Управления / Главного управления этой провинции. В 1934 г. переведен на должность руководителя департамента гражданских дел Министерства по делам Монголии, а в июле 1936 г. назначен губернатором Южного губернаторства, проработав в этой должности до апреля 1942 г., когда его сменил Боян Манду. После капитуляции Японии в 1945 г. Шоу Минъя при поддержке корейских партизан выступил против Коммунистической партии Китая и при участии Советской армии создал режим на Северо-Востоке Хингана. С образованием в апреле 1947 г. правительства Автономного района Внутренняя Монголия был назначен советником правительства, но в декабре 1947 г. обвинен в предательстве и казнен.

Подводя промежуточный итог реализации японской стороной своей национальной политики в Мань-

чжоу-Го и значения в связи с этим провинции Хинган, необходимо констатировать следующее. Во-первых, Япония всеми силами старалась избежать открытых военных столкновений с китайской стороной и перехода подконтрольных ей территорий на континенте под ее суверенитет, как это было с Кореей. Данная политика объяснялась с разных позиций. Наиболее существенным аргументом против прямого подчинения являлась вероятность наступления правовых последствий: смена правового статуса занятых территорий на статус оккупированных влекла однозначно негативную реакцию международного сообщества. Помимо этого, в слишком долгом и выматывающем процессе противостояния с другими державами и Лигой Наций было упущено время: японская армия была готова к войне в 1931 г., когда у России были слабые позиции во Владивостоке и вдоль Тихоокеанского побережья, но не готова в 1932–1933 гг.

Во-вторых, важность занятия монгольских территорий заключалась в том, что Япония планировала развернуть свою деятельность в Синьцзяне, который находился под советским влиянием. Таким образом, обе стороны участвовали в своеобразной «закулисной» войне, а Япония, используя Хинган для размещения своей армии, выстраивала план по удалению Советской России из Внешней Монголии, что обеспечило бы монгольское единство для возможного воссоздания

Монгольской империи и включения в зону своего влияния территории Восточного Туркестана. И для этих целей японцы нашли благодатную почву в виде страшащегося китайской колонизации региона и его лидеров, рассчитывающих на поддержку против китайцев. Как справедливо заметил О. Латтимор, «...следствием этого было то, что, если монгол считал возможным иметь дело с японцами, он должен был поддержать монгольскую политическую структуру, в которой аристократия и церковь получали иностранную помощь. И наоборот, если он думал, что Япония более опасна, чем Советский Союз, он должен был быть готовым к защите от Японии Монгольского государства, которое должно было строиться на антифеодальных и антиклерикальных принципах» [31]. Однако монгольской политической элите не удалось окончательно просчитать все позитивные и негативные последствия такого сотрудничества.

Уже совсем скоро японцы перейдут от политики уговоров и договоров к политике угроз и санкций, апогеем и переломным моментом станет «Инцидент с Лин Шэном» – представителем баргинской родовой аристократии, сумевшим поставить интересы региона и своего народа выше собственной жизни, что заставило японцев и монголов пересмотреть свое отношение друг к другу и в итоге покончить с идеей мирного взаимного сосуществования.

Список источников

1. Дацышен В.Г. СССР и Маньчжоу-Го: проблемы советского признания квазигосударства // Евразия: государство и право. 2018. № 10. С. 38–52.
2. Mongolia. Country Now Prominent // Sydney Morning Herald (NSW: 1842–1954). 1934. Aug. 23.
3. No territorial designs // The Straits Times. 1937. Oct. 18.
4. Manchukuo. Western Frontier Incidents // Sydney Morning Herald (NSW: 1842–1954). 1935. Feb. 26.
5. Цыбенков Б.Д. Дауры на пути к национальной автономии. Очерки истории (1912–1958 гг.) // Евразия: государство и право. 2017. № 7. С. 65–76.
6. An Eye-witness in Mongolia I. – Benefactions of Japan // The Times. 1935. March 25.
7. Big offensive launched // The Straits Times. 1933. May 9.
8. Mongols get autonomy // The New York Times. 1934. Apr. 25.
9. Powell J. Mongolians declare independence. Inner Mongolia declares itself free from China // Chicago Daily Tribune. 1933. Oct. 14.
10. Passes to be returned? // The Straits Times. 1933. Oct. 24.
11. Кормазов В.А. Хинганская провинция // Вестник Маньчжурии. 1934. № 1. С. 31–74.
12. Великая Маньчжурская Империя : к десятилетнему юбилею. Харбин : Изд. Гос. орг. Кио-ва-кай : Гл. бюро по делам рос. эмигрантов в Маньчжур. империи, 1942. 416 с.
13. Правительственный вестник Маньчжоу-Го. 1932. № 1. 1 апр. = 滿洲國《政府公報》第1號 1932年4月1日.
14. Цзян Нянцун и др. История марионеточного государства Маньчжоу-Го. Цзилинь : Народное изд-во провинции Цзилинь, 1980. = 姜念东等 : 伪满洲国史 吉林人民出版社 1980年.
15. Шэнь Янь. Великолепные руины построек марионеточного государства Маньчжоу-Го в Чанчуне. Цзилинь : Фотоизд-во провинции Цзилинь, 2002. = 沈燕 : 长春伪满遗址大观 吉林摄影出版社 2002年.
16. Правительственный вестник Маньчжоу-Го. 1932. № 2. 15 апр. = 滿洲國《政府公報》第2號 1932年4月15日.
17. Правительственный вестник Маньчжоу-Го. 1932. № 18. 27 июня 1932 г. = 滿洲國《政府公報》第18號 1932年6月27日.
18. Правительственный вестник Маньчжоу-Го. 1932. № 65. 12 нояб. = 滿洲國《政府公報》第65號 1932年11月12日.
19. Маньчжурия : экономическо-географическое описание. Харбин, 1934. Ч. 1. 385 с.
20. Положение об организации Управлении отдельных провинций Синь-Ань : Высочайший Указ № 164, 29 ноября 1 г. Кан-Дэ // Сборник законов и распоряжений Маньчжу-Ди-Го на русском языке. Харбин : Осава Жун, 1936. Вып. 1. С. 106–109.
21. Положение об организации знамен : Указ Верховного Правителя № 75, 1 июля, г. Да-Тун // Сборник законов и распоряжений Маньчжу-Ди-Го на русском языке. Харбин : Осава Жун, 1936. Вып. 1. С. 122–128.
22. Новейшая история Китая, 1928–1949 / отв. ред. М.И. Сладковский. М. : Наука, 1984. 438 с.
23. Japan's bluff // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1934. Nov. 7.
24. Биографический словарь Китайской Республики / гл. ред. Стой Ючунь. Шинцзячжуан : Народное изд-во провинции Хэбэй, 1991. = 徐友春主编, 民国人物大辞典, 河北人民出版社, 1991年.
25. Болобан А. Цицикар : экономический очерк // Вестник Азии. 1909. № 1. С. 74–121.
26. Новая газета Восточной Монголии. 1946. 13 марта. = 《东蒙新报》, 1946年3月13日).
27. Богословский В.А. Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М. : Наука, 1984. 263 с.
28. Ван Эньцзюнь, Ван Ши. Вехи национально-освободительного движения во Внутренней Монголии : обзор совещания 3 апреля // Вестник Педагогического института народностей Внутренней Монголии (Общественные науки). 1989. № 4. С. 77–79 = 汪恩郡, 王士一 : 《内蒙古民族解放的里程碑——“四·三”会议评述》。发表于“内蒙古民族师院学报(社会科学汉文版)”, 1989(4):77-79.
29. Сурин В.И. Железные дороги в Маньчжурии и Китае : материалы к транспортной проблеме в Китае и Маньчжурии / Экон. бюро Китайской Восточной железной дороги; предисл. М.Я. Михайлова. Харбин : Тип. Китайской Восточной железной дороги, 1932. LVIII. 393, [3] с.

30. Правительственный вестник Маньчжоу-Го. 1933. № 130. 10 мая = 滿洲國《政府公報》第 130 號 1933 年 5 月 10 日.
31. Lattimore O. Satellite Politics, the Mongolian Prototype // The Western Political Quarterly. 1956. Vol. 9 (1). P. 36–43.

References

- Datsyshen, V.G. (2018) SSSR i Man'chzhou-Go: problemy sovetskogo priznaniya kvazigosudarstva [The USSR and Manchukuo: Problems of Soviet Recognition of a Quasi-State]. *Evrasiya: gosudarstvo i pravo*. 10. pp. 38–52.
- Sydney Morning Herald (NSW: 1842–1954)*. (1934) Mongolia. Country Now Prominent. 23rd August.
- The Straits Times*. (1937) No territorial designs. 18th October.
- Sydney Morning Herald (NSW: 1842–1954)*. (1935) Manchukuo. Western Frontier Incidents. 26th February.
- Tsybenov, B.D. (2017) Dauri na puti k natsional'noy avtonomii. Ocherki istorii (1912–1958 gg.) [Dauri on the Path to National Autonomy. Historical Essays (1912–1958)]. *Evrasiya: gosudarstvo i pravo*. pp. 65–76.
- The Times*. (1935) An Eye-witness in Mongolia I. – Benefactions of Japan. 25th March.
- The Straits Times*. (1933) Big offensive launched. 9th May.
- The New York Times*. (1934) Mongols get autonomy. 25th April.
- Powell, J. (1933) Mongolians declare independence. Inner Mongolia declares itself free from China. *Chicago Daily Tribune*. 14th October.
- The Straits Times*. (1933) Passes to be returned?" 24th October.
- Kormazov, V.A. (1934) Khintangskaya provintsiya [Hingan Province]. *Vestnik Man'chzhurii*. 1. pp. 31–74.
- Anon. (1942) *Velikaya Man'chzhurskaya Imperiya: k desyatiletнему yubileyu* [The Great Manchurian Empire: To the Tenth Anniversary]. Harbin: Izd. Gos. org. Kio-va-kai: Gl. byuro po delam ros. emigrantov v Man'chzhur. imperii.
- Pravitel'stvennyy vestnik Man'chzhou-Go*. (1932a) 1st April.
- Jiang Niandong et al. (1980) *Istoriya marionetchnogo gosudarstva Man'chzhou-Go* [History of the Puppet State Manchukuo]. Jilin: Narodnoe izdatel'stvo provintsii Tsilin.
- Shen Yan. (2002) *Velikolepnyye ruiny postroek marionetchnogo gosudarstva Man'chzhou-Go v Chanchune* [The Splendid Ruins of Manchukuo Puppet State Buildings in Changchun]. Jilin: Fotoizdatel'stvo provintsii Tsilin.
- Pravitel'stvennyy vestnik Man'chzhou-Go*. (1932b) 15th April.
- Pravitel'stvennyy vestnik Man'chzhou-Go*. (1932c) 27th June.
- Pravitel'stvennyy vestnik Man'chzhou-Go*. (1932d) 12th November.
- Anon. (1934) *Man'chhuriya: ekonomicheskoye-geograficheskoye opisaniye* [Manchuria: An Economic-Geographical Description]. Vol. 1. Harbin: [s.n.].
- Manchu-Di-Go. (1936a) Polozheniye ob organizatsii Upravlenii otdel'nykh provintsiy Sin'-An': Vysochayshiy Ukaz No. 164, 29 noyabrya 1 g. Kan-De [Regulations on the Organization of the Administration of the Xing'an Provinces: Imperial Decree No. 164, November 29, 1st Year of Kangde]. In: *Sbornik zakonov i rasporyazheniy Man'chzu-Di-Go na russkom yazyke* [Collection of Laws and Decrees of Manchu-Di-Go in Russian]. Vol. 1. Harbin: Osava Zhung. pp. 106–109.
- Manchu-Di-Go. (1936b) Polozheniye ob organizatsii znamen: Ukaz Verkhovnogo Pravitelya No. 75, 1 iyulya, g. Da-Tun [Regulations on the Organization of Banners: Decree of the Supreme Ruler No. 75, July 1, Year of Datong]. (1936). In: *Sbornik zakonov i rasporyazheniy Man'chzu-Di-Go na russkom yazyke* [Collection of Laws and Decrees of Manchu-Di-Go in Russian]. Vol. 1. Harbin: Osava Zhung. pp. 122–128.
- Sladkovskiy, M.I. (ed.) (1984) *Noveyshaya istoriya Kitaya, 1928–1949* [The Modern History of China, 1928–1949]. Moscow: Nauka.
- The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. (1934) Japan's bluff. 7th November.
- Xu Youchun. (1991) *Biograficheskiy slovar' Kitayskoy Respubliki* [Biographical Dictionary of the Republic of China]. Shijiazhuang: Narodnoe izdatel'stvo provintsii KHebei.
- Boloban, A. (1909) Tsitsikar: ekonomicheskoye ocherk [Qiqihar: An Economic Essay]. *Vestnik Azii*. 1. pp. 74–121.
- Novaya gazeta Vostochnoy Mongolii*. (1946) 13th March.
- Bogoslovskiy, V.A. (1984) *Natsional'nyy vopros v Kitaye (1911–1949)* [The National Question in China (1911–1949)]. Moscow: Nauka.
- Wang Enjun & Wang Shiyi. (1989) Vekhi natsional'no-osvoboditel'nogo dvizheniya vo Vnutrenney Mongolii: obzor soveshchaniya 3 aprelya [Milestones of the National Liberation Movement in Inner Mongolia: A Review of the April 3rd Conference]. *Vestnik Pedagogicheskogo instituta narodnostey Vnutrenney Mongolii (Obshchestvennyye nauki)*. 4. pp. 77–79.
- Surin, V.I. (1932) *Zheleznyye dorogi v Man'chzhurii i Kitaye: materialy k transportnoy probleme v Kitaye i Man'chzhurii* [Railways in Manchuria and China: Materials on the Transport Problem in China and Manchuria]. Harbin: Tip. Kitayskoy Vostochnoy zheleznoy dorogi.
- Pravitel'stvennyy vestnik Man'chzhou-Go*. (1933) 10th May.
- Lattimore, O. (1956) Satellite Politics, the Mongolian Prototype. *The Western Political Quarterly*. 9(1). pp. 36–43.

Сведения об авторе:

Дудин Павел Николаевич – доктор исторических наук, доктор политических наук, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия). E-mail: dudin2pavel@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Dudin Pavel N. – Doctor of Science (in Historical, Sc.D), Doctor Habilitatus in Political Science (Dr. Habil), Doctor of Science (in Law, Sc.D), Docent, Leading Researcher, Institute of Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: dudin2pavel@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.11.2022; принята к публикации 15.11.2025

The article was submitted 18.11.2022; accepted for publication 15.11.2025